

На вопросы отвечает академик РАН Татьяна Ивановна Заславская

Татьяна Ивановна Заславская, исследуя проблемы социальной структуры нашего гражданского общества, выделила четыре крупных социальных слоя:

- верхний, состоящий из представителей экономической, политической, а также силовой элиты,

- средний, включающий мелких предпринимателей, менеджеров производственной сферы, среднее звено бюрократии, старших офицеров, а также квалифицированных специалистов и рабочих;

- наиболее многочисленный базовый слой, охватывающий более двух третей общества, представленный массовой интеллигенцией, рабочими индустриального типа, крестьянами, работниками массовых профессий;

- и, наконец, нижний слой, который составляют в основном люди без профессии, безработные и другие лица, оказавшиеся менее всего приспособленными к жестким современным реалиям.

Какими критериями вы руководствовались, выделяя именно эти социальные слои?

- Я думаю, что приступая к исследованию социальной структуры, особенно в таком обществе, как наше, ученый хочет, "ухватить", понять, объяснить очень расплывчатое явление, некий важный, но достаточно неопределенный феномен. Сама эта неопределенность связана с целым рядом факторов.

Один из них - многомерность ситуаций: более высокое или низкое положение на

социальной шкале определяется по целому ряду критериев, которые могут достаточно существенно расходиться между собой.

Второй существенный фактор связан с тем, что в изменяющемся обществе ранее устойчивые статусы становятся все более размытыми и эластичными, их составляющие “разъезжаются” в разные стороны. Поэтому очень большое значение приобретает методология и методика исследования. Ученого прежде всего имеет смысл спрашивать не о том, что у него получилось, а об особенностях его подхода к теме.

Особенность нашего исследования заключалась в том, что мы стремились составить представление, в первую очередь, о строении российского общества в целом. Поэтому объектом анализа были не некие отдельно взятые группы, а все общество. Вообще, социальная структура - материя очень сложная, многомерная, к ней можно подходить с разных позиций, но наиболее общепризнанные две модели - классовая и стратификационная (страта-слой).

- Применим ли классовый подход к анализу общества современной России?

- Думаю, применим. Мне кажется, что ни о каком “размывании” классов применительно к нашему обществу говорить не приходится. Тот процесс поляризации, который мы наблюдаем, носит достаточно выраженный “классовый” характер. И все же мы выбрали стратификационный подход. Прежде всего потому, что российское общество трансформируется. В нем происходит очень сильное движение “вверх” и “вниз”, а значит, есть существенная часть общества, которую ни к какому классу отнести нельзя. Поэтому наиболее отвечающим сегодняшним реалиям (во всяком случае в операциональном плане) представляется стратификационное описание общества в виде системы неких иерархических слоев.

Свою работу мы начали с обоснования теоретической гипотезы социальной структуры российского общества, которая опиралась как на наши наблюдения, так и на научно-литературные традиции. Выделив таким образом 16 гипотетических групп, мы попытались их идентифицировать на основе социологических данных мониторинговых исследований ВЦИОМ. Здесь вряд ли стоит говорить обо всех тонкостях нашей работы, скажу лишь, что в результате были получены 14 групп, которые довольно сильно отличались от первоначальных.

После этого была проведена их экспертная оценка, прежде всего с позиций их экономического и властного потенциалов, их социальных связей, включенности в социальные структуры, а также культурного потенциала. В результате были выделены те 4 слоя, о которых вы спрашивали меня в самом начале.

- Ими описывается все российское общество?

- Материалом для нашего анализа были, как я уже сказала, результаты опросов ВЦИОМ, и я считаю, что в них отсутствуют данные о двух важных социальных страт (слоев). Прежде всего речь идет об “элите”. Выделенный нами верхний слой, по сути, только примыкает к “элите”, является субэлитным. Представители собственно “элиты” не попадают в выборки массовых опросов. Работники социологических служб, в том числе и ВЦИОМ, прекрасно знают границы, за которые их просто не пустят. Этот слой в лучшем случае может быть объектом специализированных исследований с применением совершенно других методов. Но говоря о стратификации, мы не можем просто игнорировать его существование.

Точно так же от социологов, проводящих массовые обследования, ускользают представители “социального” дна. А это также, по-моему, очень важная часть нашего общества. Когда мы говорим, например, о динамике социальной структуры, то очень важным аспектом анализа является динамика “социального дна”, связи между ним и нижним слоем. Но изучение “социального дна” само по себе весьма сложно и требует просто подвига от решившихся на это. Поэтому мы знаем, что у нас есть такая значимая часть общества, но пока даже количественно не можем ее оценить.

Так что для меня более полное представление о социальной структуре российского общества дают 6 слоев - элита, верхний, средний, базовый, нижний слой и “социальное дно”.

- Вы исследовали социальную структуру, опираясь на выбранные вами объективные критерии. Но существует мнение, что главное при отнесении себя к тому или иному слою - самоощущение человека, точно так же как в случае с современной нацией. Если некто ощущает себя французом, англичанином или русским, то он таковым и является, независимо от этнических особенностей. И если человек ощущает себя представителем

Автор:

13.04.2011 23:00

среднего слоя, независимо, например, от уровня дохода или рода занятий, то он и входит в средний слой. Считаете ли вы такой подход справедливым?

- Я думаю, что самооценка социального статуса - важный показатель, который должен приниматься во внимание социологами. Во всяком случае она характеризует степень зрелости соответствующего слоя. Если элита не осознает себя элитой или средний слой - средним слоем, это говорит об их недостаточной сформированности. Вместе с тем данные самооценки существенно зависят от того, как формулируются соответствующие вопросы. Мы не могли прямо спросить о том, к какому слою относит себя респондент. В опросах ВЦИОМ респондентам регулярно предлагают найти себе место на 10-й балльной иерархической шкале социальных статусов. При таком подходе выявляются громадные расхождения самооценок с данными нашей стратификации. Вряд ли более 30% совпадало. Многие из тех, кого мы относили к верхнему слою, сами видели свое место в среднем. И те, кто был внизу, тоже оценивали свое положение как среднее. Но интересно, что с течением времени (а мы проводили исследования несколько лет) таких расхождений становилось все меньше и меньше. То есть со временем люди все более адекватно осознавали свое реальное положение, все более привыкали к нему, начинали правильно ориентироваться в социальном пространстве.

Кроме того, хорошо известно, и мы с этим столкнулись, что каждый человек ориентируется на ту часть иерархического пространства, которая ему доступна. Вот недавно на одной конференции говорилось, что в сельской местности отнесли себя к верхнему слою до 10% опрошенных, а в крупном городе - Нижнем Новгороде всего 0,01%. Понятно почему: на селе "верхний слой" - это и председатель колхоза, и счетовод, и агроном и т.п., а в городе, где жизнь губернатора и его окружения на виду у всех, картина совсем иная. Поэтому я думаю, что показатели самооценки - это, скорее, показатели того, как данный слой себя осознает, показатели того, в какой степени это осознание адекватно в масштабах общества. Ведь далеко не все мыслят в масштабах общества. И представителям элиты присущ искаженный взгляд: высший чиновник может, например, считать, что он просто винтик в аппарате, раз ему до Ельцина рукой не достать, что никакая он не элита, а просто "маленький человек".

- На современную социальную структуру, на положение людей в ней оказывают влияние не только абсолютные изменения, но и процессы относительных изменений статусов тех или иных групп. Можно вспомнить, например, что ранее достаточно высоким статусом обладали работники ВПК или ученые, которые теперь оказались в сложной ситуации. Из их рядов часто слышны голоса недовольства. И, напротив, есть слои, положение которых существенно улучшилось, скажем, работники финансовой сферы. Насколько велико влияние таких относительных изменений и на самоощущение, и на реальное положение разных групп в социальной структуре?

- Думаю, в данном случае надо выделять социальную и психологическую составляющие. Об этом надо помнить, если мы задаемся вопросом, почему у тех людей, которые образуют базовый и нижний слои нашего общества (а это более 2/3 его), чрезвычайно пессимистическое настроение по всем показателям - и по показателям доверия, и по показателям удовлетворенности, и по показателям уверенности в будущем, и по показателям настроения. Если более половины в той или иной мере испытывает стресс, это важный индикатор состояния общества.

Почему это происходит? Конечно, здесь огромную роль играет относительный разрыв между разными регионами, поселениями, слоями. Даже телевидение, показывая на всю страну передачи типа "Смака", лишь подчеркивает гигантский разрыв между жизнью в Москве и в провинции, способствует отчуждению от столицы. Мне самой, бывая в провинции, приходилось сталкиваться с неприязненным отношением и к Москве как "спруту, живущему на нашей крови и за наш счет", и даже ко мне как к представителю этого "спрута". Москвичи же этой ситуаций часто просто не понимают, не верят, что это такое, не ощущают опасного разрыва. Точно так же и в провинции не воспринимают серьезные московские проблемы, отказываются понимать их.

В то же время, мне кажется, что абсолютное обнищание, наверное, не столь велико, как то следует из статистики и даже из социологических опросов. В реальной жизни очень большое место занимает теневая и неформальная экономика. За эти годы люди освоили огромное количество самых разнообразных способов получения дохода, разного рода подработок. И типичной стала ситуация, когда на официальный доход прожить невозможно, и человек активно использует этот факт в разговорах. Но на деле он и не живет только на этот доход. Например, директор Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН академик Валерий Владимирович Кулешов недавно рассказывал мне, что официальная зарплата, на которую действительно невозможно прожить (доктор наук получает 700 рублей), в среднем составляет лишь 25% совокупного дохода. Еще по 25% приходится на гранты и на совместительство в ВУЗе, 15% составляют доходы по хоздоговорам и 10% - прочие доходы (гонорары и т.п.). Правда, я не знаю, насколько было репрезентативно это исследование. Кроме того, средние показатели и индивидуальный доход - разные вещи. Ведь, например, гранты получает ограниченное число людей, а тут эти доходы как бы разделены на всех. Но главное, тут, по-моему, все-таки в том, что не на 700 рублей живет новосибирский доктор наук...

- А если вспомнить о крупных отраслевых группах, например, о ВПК?

- Я бы сказала, что и в ВПК, и в науке, и в образовании, в здравоохранении сильнее, чем в других местах, действует механизм дифференциации. Здесь колоссальное значение имеют личностные факторы. В подобных отраслях мы всегда обнаружим группу, составляющую примерно 20-25% общего числа занятых. Это наиболее деятельные, активные, предприимчивые, здоровые, молодые люди, с определенным психологическим настроем. Они добиваются успеха, в том числе и в, казалось бы, совсем кризисном ВПК. Эти люди ищут новые рыночные формы организации своей деятельности, находят

способы конкретной реализации своих технологических идей в новых условиях.

- Можно вспомнить хотя бы знаменитую компанию “Билайн”, организаторы которой вышли со своим потенциалом как раз из недр институтов ВПК.

- Но в то же время в этих институтах и в застойные времена было очень много тех, кто, скорее, составлял балласт. Мы же знаем, как тогда было организовано дело.

- Действительно, одна из заметных тем публицистики начала 1980-х годов - никчемность многих НИИ и КБ, откровенное безделье большинства их сотрудников.

- Скольким людям абсолютно нечего было делать, и сколько денег тратилось зря, просто потому, что конец года подходит. Ведь на самом деле многие структуры ВПК лишь паразитировали на народном хозяйстве. Они должны были распаться. И не надо отождествлять их с теми организациями, где действительно были большие достижения, разрабатывались передовые технологии. Если там есть активные люди, способные не только к научно-технологическому, но и к организационному поиску, то такие структуры обязательно пробиваются. Мы узнаем, например, о наших успехах на рынке вооружений, о появлении принципиально новых самолетов, вертолетов. Остальным, конечно, очень трудно и их по-человечески жалко, но в общем это в какой-то мере расплата за все, что было, за то, что так долго существовали за чужой счет, “взаимы у будущего”.

- Вернемся к нашей общей теме стратификации. Прошло больше года после кризиса августа 1998 года. Насколько он повлиял на социальную структуру, какие слои в большей степени пострадали от него?

- Мы не проводили специальных исследований на эту тему, поэтому я сошлюсь на результаты работ Наталии Евгеньевны Тихоновой - заместителя директора Российского независимого института социальных и национальных проблем. Они недавно оглашались на конференции и показались мне весьма убедительными.

Безусловно, кризис нанес сильный удар по нашему обществу и затронул его социальную структуру. Его главными жертвами стали средний и базовый слои. По расчетам Тихоновой, средний слой сократился с 15-20% до 12-15%. Многие его представители “спустились” в базовый слой, который в свою очередь весь как бы “опустился” вниз. Вся структура стала как бы более “пирамидальной”, прижалась к земле. Раньше все-таки в самой структуре базового слоя было больше тех, кто стремился к середине, а нижняя прослойка, напротив, была значительно меньше. И у самого нижнего слоя положение ухудшилось. Правда, тут стоит добавить, что речь идет прежде всего о самоощущении и о сокращении доходов. Однако исключительно на шкале доходов стратификацию строить нельзя. Последующий ход событий показал, что уже через несколько месяцев показатели самоощущения стали выправляться. В целом средний слой выстоял, хотя может быть немного сократился.

- То есть те 12-15% относятся к первым месяцам после кризиса?

- Именно так, а затем произошла регенерация по разным направлениям. Уже через полгода можно было говорить лишь о некотором уменьшении. Но вот еще интересные данные: в Новосибирске провел небольшое исследование среди тех, до кризиса заведомо принадлежал к среднему слою. И выяснилось, что выстоявшие в ходе кризиса пришли к выводу о необходимости изменения образа жизни. Они стали отказываться (по крайней мере, они говорили об этом) от показного потребления, шикарного образа жизни, скажем, от азартных игр в казино, от частых заграничных поездок на отдых и т.п., от таких “купеческих замашек”. Это, кстати, ближе к традиционным представлениям о среднем классе. Люди этого круга стали высказываться о более цивилизованных

Автор:

13.04.2011 23:00

формах потребления, появились какие-то мысли о будущем... В этом плане складывается даже впечатление, что у кризиса была также сторона, пошедшая во благо.

- Проблемы построения новой социальной структуры связаны с другой нашей глобальной проблемой - с необходимостью формирования в стране гражданского общества. Создать такое общество способны экономически и социально свободные люди. В какой степени этому способствуют (или препятствуют) те социальные процессы, которые вы исследуете?

- Задача формирования гражданского общества действительно является для нас первоочередной, хотя само слово "задача" здесь, наверное, плохо применимо. Ведь задача предполагает конкретного исполнителя, а в данном случае идея как бы витает в воздухе, носит характер некоего объективного императива. И в то же время ощущается, что исполнителей этого императива не очень-то много. Все-таки я думаю, что сам характер наших реформ и их малая эффективность в значительной степени обусловлены именно слабостью гражданского общества и торжеством традиционного для России пути реформирования "сверху". Дело не только в том, что по-другому мы просто не умеем: само общество со своей стороны не может ничего противопоставить монополии власти. Разве что отказывается активно участвовать в реализации предлагаемых инициатив, молчаливо их саботируя. Можно понять, что правящий слой предлагает вариант реформ, реализуя прежде всего собственный интерес. Но вопрос в том, как на это реагирует общество. Оно может реагировать как упругая структура, отторгая посылаемые ему импульсы, вплоть до насильственной смены власти, а может вообще, подобно вате, не давать никакой активной реакции, просто гасить эти импульсы.

Гражданские структуры представляются мне в роли неких пружин, способных структурировать значимые общественные интересы и создать идейные, организационные и иные возможности для того, чтобы общество в преобразованиях выступало как активный субъект, а не как пассивный объект, не как атомизированная сумма индивидов, не способная ни на что, кроме жалоб на свою несчастную судьбу. Когда мы говорим, что гражданское общество - это общество свободных людей, мы должны признать, что такого общества у нас нет и нет ближайшей перспективы его появления. Потому что у нас нет подлинно свободных людей, как не было их в обществе советском. Ведь в данном случае речь идет не о внутренней духовной свободе. Было бы злостной клеветой утверждать, что у нас нет внутренне свободных людей. Но внутренне свободный и социально свободный человек - разные понятия. Для формирования гражданского общества важна свобода в социальном смысле - например, выбора способа жизнедеятельности, реализации своих идей, самореализации и многого другого. Думаю, такой свободы нет практически ни у кого.

Да, мы учредили формально демократические институты власти, но если, скажем, взять сферу взаимодействия предпринимателя с государством, то наш предприниматель совершенно несвободен, скован массой ограничений, устанавливаемых правящей бюрократией.

Когда-то один из новосибирских кибернетиков - Игорь Полетаев - в свободное время разрабатывал новую науку - "запретистику", обобщая все, что было запрещено в СССР. Я думаю, что и в новой России он нашел бы широкое поприще для своих изысканий. Число запретов еще и выросло. А ведь кроме власти источником ограничителей служит криминал, от которого государство не может защитить предпринимателя.

Автор:

13.04.2011 23:00

Или о какой свободе можно говорить применительно к наемным работникам, занятым в частном секторе? Они полностью зависят от хозяина, который может уволить их в любую минуту. И никакой защиты, никаких профсоюзов там нет.

Так что сейчас, с моей точки зрения, сложилась крайне тревожная ситуация. Нельзя сказать, что ничего не делается для создания новых гражданских структур. Есть активные, способные, думающие о нуждах страны люди. Но масштабы их деятельности по сравнению с потребностями общества крайне ограничены. Кроме того, на их пути стоят огромные препятствия, а потому и эффективность такой работы крайне низка. Потому мы и не ощущаем сильного общественного движения. Да нет и того энтузиазма, какой был десять лет назад.

Но, быть может, я ошибаюсь из-за того, что сама не принимаю непосредственного участия ни в каких политических и общественных движениях, сосредоточившись на науке. Мне кажется, что сейчас наше общество просто устало от неблагоприятных перемен. Ему надо накопить новые силы, пополниться новыми поколениями молодежи, формирующейся в новых условиях и глядящей вперед, а не назад в прошлое. Со временем потребность в гражданских структурах непременно возникнет, а настоятельная потребность рождает соответствующую деятельность. Так что все еще впереди.

(Беседу провела Н.М. Плискевич)